

Выбравшись, вдруг увидел двух солдат в новеньком обмундировании, разжигающих маленький костер. Я подошел к ним и сказал, что тоже не против погреться. Они не отвечали. Молча достали из вещмешка маленькие банки тушенки, вскрывали их немецкими ножом с надписью «Blut und Ehre» и ели тушенку, разогрев на костерке.

Они говорили между собой тихо на каком-то языке и меня охватил страх - уж не к немцам ли я попал? Но тут в разговоре услышал слово «бельме» и понял, что это татары. Они угостили меня тушенкой с хлебом. Мы с трудом понимали друг друга, так как они плохо говорили по-русски.

Спросили меня, почему я держусь за валенок, это их удивило, они что-то быстро заговорили по-татарски, потом один взял большой нож с надписью «Blut und Ehre» и пошел в глубину леса. Мы остались у костра. Прошло довольно много времени, меня тревожила неопределенность положения. Надо было подумать и о ночлеге. Погода была хорошая, ласково светило солнце, от вчерашней снеговой кутерьмы не осталось и следа.

Я спрашивал у солдата, куда пошел его напарник, но он не сумел мне этого объяснить. Наконец тот показался, неся в руках какие-то палки. Оказалось, он вырезал мне костили: две палки с рогульками для подмышек. Я примерял – они были мне как раз впору. И хоть я не держался за валенок, но идти было удобно. Я горячо поблагодарил своего друга. Дальше наши пути разошлись.

Я вышел довольно бойко на просеку и увидел следы копыт. «Кто-то проехал на санях, значит село близко» – подумал я. Правда, к селу я подошел только к вечеру. Оно называлось «Велика Гомільша».

В хате, в которую я зашел, меня приветливо встретили, накормили, напоили молоком. Девочка, внучка